

Во многих случаях многие люди подсознательно игнорируют то, кто прав, а кто виноват, и предпочитают вставать на сторону того, кто выглядит более слабым.

Например, когда человек, совершивший ошибку, опускает своё достоинство, умоляет со слезами и надеется получить прощение.

А первоначальная жертва в этот момент оказывается в позиции, где она может принимать решение, то есть в немного более сильной позиции.

Многие люди невольно начинают сочувствовать бывшему обидчику, считая, что раз он уже такой несчастный, то, конечно, заслуживает прощения.

А когда жертва ещё и прибегает к небольшим уловкам, произнося угрозы вроде: «Если ты меня не простишь, я сделаю то-то и то-то», в такой ситуации отношение окружающих становится ещё более определённым.

Они напрямую забывают о том, как обидчик обращался с жертвой, и начинают со слезами уговаривать жертву обязательно простить обидчика – ведь он уже дошёл до такой степени.

И эти угрозы, прикрытые слабостью, наоборот, становятся действенным инструментом для получения прощения, становятся кандалами, сковывающими жертву.

Но в случае с Ань Янём всё получилось наоборот.

Вернее, его поведение как раз выправило логику.

Потому что, произнося эти слова, Ань Янь вовсе не думал заставлять Чжао Чэнсюаня соглашаться, поэтому он и добавил последнюю фразу.

Но именно так он достиг наилучшего эффекта.

Как те угрозы, замаскированные под извинения.

«Если ты не хочешь меня прощать, ничего страшного. Но я буду приходить каждый день и извиняться, пока ты не согласишься меня простить».

«Если ты меня простишь, я хоть умереть готов».

«Я знаю, что виноват, но мне сейчас так плохо. Неужели ты не можешь меня простить?»

«Умоляю, я встану на колени, хорошо? Я буду бить тебе челом! Если ты меня простишь, я

сделаю всё, что скажешь...»

...

Эти слова, всегда звучащие униженно, полные слёз, на самом деле являются кандалами, которые затягиваются прямо на теле жертвы.

Если ты не прощаешь, значит, ты вынуждаешь его каждый день приходить и извиняться, вынуждаешь его умереть, вынуждаешь его становиться на колени и биться лбом...

Эти кандалы сковывают жертву, заставляя её страдать, но не иметь возможности высказаться, и в конце концов она вынуждена простить.

Единственное отличие в том, что извинения так называемых жертв – это всего лишь средство добиться прощения.

Но слова Ань Яня действительно оставляли Чжао Чэнсюаню свободу, давали ему возможность выбора.

Только Чжао Чэнсюань, судя по всему, воспринял их иначе. Даже если бы Ань Янь действительно так сказал, он бы всё равно не поверил.

Он только подумал бы, что Ань Янь нарочно его испытывает, чтобы он впредь не смел появляться перед ним.

Ведь слова Ань Яня уже прозвучали. Если он потом снова найдёт предлог появиться, это будет означать, что он признаёт, что вовсе не осознал своей ошибки, – это будет равносильно тому, чтобы дать себе пощёчину.

И эти слова Ань Яня были неоспоримы. Как бы ни было досадно Чжао Чэнсюаню, ему оставалось только изо всех сил сохранять улыбку и сказать:

- Тогда я пойду.

Когда Чжао Чэнсюань ушёл, Чэн Ян, обняв Ань Яня за плечо, весело сказал:

- Я и не думал, что ты, Янь-янь, такой крутой. В конце концов ты его просто срезал, ха-ха-ха-ха-ха...

Ань Янь растерялся:

- А? - Неужели он действительно заставил Чжао Чэнсюаня замолчать?

Чэн Ян: «...» Ладно, теперь он, кажется, понимает, о чём думал Ань Янь, когда произносил те слова.

Этот глупый ребёнок – слишком простодушный, слишком добрый.

Но, подумав о том, что Ань Янь каждый раз говорит с очень серьёзным видом, а врагов доводит до бешенства, и они при этом не могут возразить – может быть, это тоже своего рода талант по уничтожению мрази?

С этой мыслью настроение Чэн Яна заметно улучшилось:

- Пошли-пошли, скорее в столовую, я умираю с голоду.

При упоминании о еде Ань Янь мгновенно переключил внимание и, с блеском в глазах, сказал:

- Надеюсь, сегодня на обед будет куриное филе в кисло-сладком соусе.

Чэн Ян сглотнул слюну:

- А я больше люблю жаркое из мяса кусочками – очень сытно.

Пока они с энтузиазмом обсуждали, что будут есть на обед, Чжао Чэнсюань уже сидел в своём автомобиле.

Он не торопился уезжать, а набрал Чжао Синьсинь по коммуникатору.

Чжао Чэнсюань не нарочно избегал её. Он просто не ожидал, что, прождав у дверей аудитории столько времени, так и не увидит дочь.

Но, подумав, что времени мало и он вряд ли успеет с ней нормально поговорить, он решил не связываться с ней.

Но теперь он счёл необходимым выяснить, почему дочь не была на занятиях.

Коммуникатор звонил довольно долго, прежде чем его наконец приняли. Было ясно, что Чжао Синьсинь очень хотела избежать разговора с отцом.

Но когда связь установилась, её тон был очень осторожным и угодливым:

- Папа, разве ты не должен сейчас быть в компании? Как у тебя нашлось время мне позвонить?

Чжао Чэнсюань, нахмурившись, холодно фыркнул:

- Почему ты не была на занятиях?

Услышав это, Чжао Синьсинь испугалась. Но она всё ещё не догадывалась, что отец сейчас находится в Первом университете, поэтому пыталась как-то выкрутиться.

На самом деле, после того практического занятия Чжао Синьсинь стала часто пропускать уроки.

Во-первых, потому что случившееся было слишком позорно, ей казалось унижительным даже просто выходить на улицу.

К тому же она очень не хотела слышать пересуды и тем более постоянно ловить на себе презрительные взгляды.

В такой ситуации единственным выходом для Чжао Синьсинь было бегство.

Только спрятавшись, можно было отгородиться от всех этих обид.

Но она никак не ожидала, что отец узнает об этом.

Она перевела взгляд и, смягчив голос, сказала:

- Папа, мне сегодня нездоровилось, поэтому я не пошла на занятия. Я отпросилась у профессора.

Последние дни её душевное состояние было неважным, лицо выглядело усталым - действительно похоже на недомогание.

Но это объяснение не убедило Чжао Чэнсюаня. Он снова холодно фыркнул, на этот раз с явным недовольством:

- Я спрашивал у профессора, он сказал, что ты не отпрашивалась. Ты ещё пытаешься меня обмануть!

Откуда отец узнал, что она не была на занятиях?

И как он выяснил у профессора, что она не отпрашивалась?

Осознав эти вопросы, Чжао Синьсинь наконец поняла всю серьёзность положения.

Но даже так у неё не хватило смелости сознаться и рассказать правду.

Всего за несколько дней Чжао Синьсинь находилась в плену самых разных негативных эмоций, включая страх, что Чжао Чэнсюань узнает о её поступках.

Отношение отца к ней в последнее время было ужасным. Если бы он узнал, что она натворила, он бы пришёл в ярость и, возможно... возможно, действительно лишил бы её права наследовать клан Чжао.

При одной только мысли об этом Чжао Синьсинь одновременно злилась, ненавидела и боялась, но ничего не могла поделать.

- Папа... - нерешительно начала Чжао Синьсинь, лихорадочно соображая, как выйти из положения.

Но на этот раз Чжао Чэнсюань не дал ей возможности оправдываться. Он суровым голосом сказал:

- Я сейчас в Первом университете. Немедленно иди сюда!

Чжао Синьсинь от страха вся сжалась и наконец окончательно осознала реальность.

Десять минут спустя она сидела на заднем сиденье космического аэромобиля отца, робко опустив голову.

Но Чжао Чэнсюань не дал ей возможности притворяться мёртвой:

- Ты сама расскажешь или мне за тебя рассказать?

Чжао Синьсинь, хотя и чувствовала досаду, больше не осмелилась ничего скрывать и, запинаясь, произнесла:

- Это... это случилось несколько дней назад. На одном практическом занятии... я думала, что у Ань Яня обязательно получится бракованное лекарство, но не ожидала...

Чжао Чэнсюань с каменным лицом выслушал сбивчивый рассказ Чжао Синьсинь и, когда она замолчала, холодно отчитал:

- Ты думала? Если бы твои мысли всегда были правильными, ты бы не оказалась в таком положении! Разве я тебя не предупреждал? Что я тебе говорил? А что ты сделала? Ты меня очень разочаровала!

Чжао Синьсинь, даже если в душе и кипела обида, в присутствии отца съёжилась в комок:

- Папа, прости, я тогда не знала, что всё так обернётся...

- Довольно! - холодно оборвал Чжао Чэнсюань, безжалостно продолжая: - Ты до сих пор только и думаешь, как бы найти себе оправдание, переложить ответственность, но ни разу не подумала, как решить проблему. Столько лет я учил тебя - всё зря!

Чжао Синьсинь не осмеливалась больше говорить. Чжао Чэнсюань помолчал и сказал:

- Сначала поедешь со мной домой.

- Но у меня после обеда ещё занятия... - робко возразила Чжао Синьсинь.

Чжао Чэнсюань мрачным тоном произнёс:

- Я намерен перевести тебя в другой университет.

- Перевести?! - голос Чжао Синьсинь стал резким. Она недоверчиво посмотрела на отца. - Почему? Зачем переводить?!

На Центральной звезде, да и на всех других планетах, фармацевтическая специальность Первого университета была, без сомнения, одной из лучших.

К тому же, если переводиться в середине учебного года, значит, вступительные экзамены уже прошли. Это означало, что если она переведётся сейчас, то только в университет с более низким рейтингом, не равный или более высокий.

Так почему папа хочет её перевести?

И тут же Чжао Синьсинь сама нашла ответ. Это всё из-за Ань Яня!

Из-за того, что Ань Янь приготовил два элитных лекарства, папа сам предложил ей перевестись!

Папа ради Ань Яня готов устроить ей такое, от чего нет никакой выгоды, а только вред!

При этой мысли страх и трепет перед Чжао Чэнсюанем превратились в ярость и обиду. Она истерично закричала:

- Я не хочу переводиться! Я ни за что не буду переводиться!

Чжао Чэнсюань нахмурился и довольно холодно сказал:

- Раз ты не хочешь переводиться - тогда уходи из клана Чжао. Я больше не буду вмешиваться в твои дела.

Ещё мгновение назад Чжао Синьсинь была близка к безумию, настроена решительно и непреклонно, но, услышав эти слова, она мгновенно сникла.

Как воздушный шарик, который вдруг сдулся - прямо обмякла.

Она недоверчиво посмотрела на отца, не зная, какое выражение лица принять.

Чжао Синьсинь очень хотела сказать себе, что папа просто пугает её, что он не мог подумать так на самом деле.

Но в душе она прекрасно понимала: отец вовсе не шутит и не пугает её. Он говорит серьёзно.

Он действительно хочет выгнать её из клана Чжао.

Чжао Синьсинь осознала это с предельной ясностью.

<http://bllate.org/book/12415/1106172>